

КОЛОСЬЯ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ ПОДЪ РЕ
ДАКЦІЕЙ ФЕЛИКСА КОНА И ВА
ЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА 1918

СОДЕРЖАНІЕ:

Новая поэма А. С. Пушкина „Гаврилада“ („Благовѣщеніе“).
Слово о гибели русской земли — В. Рожицынъ. Cartes postales — И. Уразовъ.
Воспоминанія, ч. 2, гл. III — Ф. Конъ. Оратору — А. Гастевъ. О книгахъ. Рисунки:
Роданта, Борисовъ-Мусатовъ, Бобрицкій, Винцентъ Ванъ-Гогъ и др.

№ 16.

79411

ХАРЬКОВСКИЙ КРЕДИТНЫЙ СОЮЗЪ КООПЕРАТИВОВЪ „СОЮЗБАНКЪ“

ХАРЬКОВЪ, НИКОЛАЕВСКАЯ ПЛОЩ., № 9 (ПРОТИВЪ БИРЖИ) — ТЕЛ. 44-07 и 42-81.

ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ

ВКЛАДЫ, ТЕКУЩИЕ СЧЕТА, ПЕРЕВОДЫ, АККРЕДИТИВЫ, ИНКАССО.

СОЮЗЪ ПЛАТИТЬ:

а) По текущимъ счетамъ	4 ¹ / ₂ %	на 1 годъ	5 ¹ / ₄ %
б) По вкладамъ: до востребованія . . .	5%	„ 2 года	5 ¹ / ₂ %
в) По срочнымъ: на 6 мѣсяцевъ	5%	свыше 2 лѣтъ	по соглашенію.

ВЪ ЦѢЛЯХЪ ПРЕДОСТАВЛЕНІЯ ПУБЛИКѢ УДОБСТВЪ СОЮЗОМЪ ОТКРЫТО ОТДѢЛЕНИЕ

уголь Николаевской пл. и Московской ул. № 5-1 (входъ съ Николаевской площ.)

ОТДѢЛЕНИЕ ПРОИЗВОДИТЬ ВСѢ БАНКОВЫЯ ОПЕРАЦІИ.

КНИГООИЗДАТЕЛЬСТВО
ХАРЬКОВСКАГО КРЕДИТНАГО
СОЮЗА КООПЕРАТИВОВЪ

„СОЮЗЪ“

ХАРЬКОВЪ, МОСКОВСКАЯ УЛИЦА, 18. :: ТЕЛЕФОНЪ 42-81.

ХАРЬКОВСКИЙ Кредитный Союзъ Кооперативовъ издаетъ для народа книги по разнообразнымъ отраслямъ знаній на украинскомъ и русскомъ языкахъ. Книги издаются по исторіи Украины, природовѣдѣнію, сельскому хозяйству, политикѣ, коопераціи; школьные учебники для русской и украинской школы, пособия для учителей, словари и книги для дѣтей на русск. и украинск. языкахъ. Издаваемая Союзомъ литература общедоступная по цѣнѣ и имѣетъ цѣлью поднятіе народнаго сознанія и необходима для просвѣтъ, народныхъ библиотекъ и кооперативовъ.

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

Исторія Слободської України.

проф. Д. І. Багалій.

Цѣна 6 руб.

Короткий нарис української мови,

О. Н. Синявський.

Цѣна 1 р. 25 к.

Мѣстные финансы,

Цѣна 2 р. 50 к.

А. П. Марковъ.

Начерк розвитку української літературної мови,

проф. М. Ф. Сумцовъ.

Цѣна 1 руб.

Древнѣйшая цивилизація въ Европѣ (Критско-Микенская культура),

проф. В. П. Бузескулъ.

Цѣна 2 р. 50 к.

Хрестоматія по українській літературі. Ч. І.

проф. М. Ф. Сумцовъ.

Цѣна 3 р. 25 к.

Школьное дѣло у древнихъ грековъ (по новымъ даннымъ),

проф. В. П. Бузескулъ.

Цѣна 1 р. 10 к.

Народный Домъ, его задачи и обществен. значеніе,

проф. В. Я. Данилевскій и А. А. Богомоловъ.

Цѣна 6 р. 50 к.

Природа и населеніе Слободской Украины, Харьковск. губ.

(пособіе по родиновѣдѣнію).

проф. В. И. Таліевъ, пр.-доц. А. С. Оедоровскій, Д. К. Педаевъ,

В. Г. Аверинъ и др.

Цѣна 10 руб.

Птицы—друзья человека,
Цѣна 3 р. 25 к.

Г. А. Брызгалинъ.

Кредитъ и его роль въ народномъ хозяйствѣ,

проф. М. Н. Соболевъ.

Цѣна 2 р. 35 к.

Азбука для взрослыхъ,

Рахмановъ-Николаевъ.

Цѣна 1 руб.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Бумажные деньги,

Г. А. Трахтенбергъ.

Товаровѣдѣніе (пособіе для кооперативной школы и курсовъ),

Н. А. Классенъ.

„Вчимось писать“, початкова наука письма,

О. Н. Синявського.

„Ясне сонечко“, книжка для першого навчання письменству.

Уложено гурткомъ словожанъ при участіи

П. І. Ковалевського.

„Ключик грамоты“, начальная грамматика по новому правописанию,

Н. П. Дашевского.

Русский букварь (новое правописание),

Н. П. Дашевского.

Состояніе и развитіе русскаго сельскаго хозяйства (по даннымъ ж.-д. перевозокъ и переписи 1916 г.),

А. Н. Челинцевъ.

Словожане. (Исторично-этнографична розвідка).

Проф. М. Ф. Сумцовъ.

Кооперация въ Галичинѣ,

И. М. Хоткевичъ.

Заказы на изданія принимаются въ Книжномъ Складѣ „СОЮЗЪ“, открытомъ „Поюромъ“ и „Союзбанкомъ“ — Харьковъ, Московская, 18. :: Телефонъ 836.

Новая поэма А. С. Пушкина.

Великое наследство до сих пор неисчерпано. Правду сказал один западный критикъ, что до самого Страшнаго суда будетъ длиться „литературная археологія“ и изслѣдователи постоянно будутъ открывать новое изъ творчества Шекспира или Толстого, Байрона или Пушкина...

Годъ революціи принесъ съ собою двѣнадцатую изъ большихъ поэмъ А. С. Пушкина — „Гавриліаду“ или „Благовѣщеніе“. До сихъ поръ въ Россіи былъ единственный экземпляръ заграничнаго изданія этой поэмы, хранившійся въ Публичной бібліотекѣ и недоступный читателямъ. „Альціона“ издала поэму въ критической обработкѣ В. Брюсова, и первое изданіе разошлось въ три дня...

Независимо отъ качествъ поэмы, имя генія, ея автора, и острое любопытство ко всему запрещенному чрезвычайно содѣйствовали успѣху поэмы. Но успѣхъ вполне оправдывается чисто эстетическими соображеніями.

„Гавриліада“ необычна въ ряду творческихъ созданій Пушкина. Она открываетъ новую сторону его эстетики. Написанная юнымъ Пушкинымъ въ 1822 году, она почти стелѣтъ оставалась въ числѣ „тайныхъ стиховъ“, ибо до революціи 1917 года никакое правительство не допустило бы ея изданія.

Юношеская дерзость Пушкина переступила границу всѣхъ религіозно-государственныхъ и условно-этическихъ нормъ. Поэма кощунственна, она безнравственна, она безжалостно ранитъ официальную религію и семейную добродѣтель, но не потому, что Пушкинъ, какъ Вольтеръ въ поэмѣ „Pucelle“, задается цѣлью низвергать кумиры государственной и мѣщанской морали.

Нѣтъ. Поэма вылилась изъ ума молодого генія, какъ пѣнящееся вино изъ чаши, свободно и непринужденно, очаровательно-дѣвственная и наивная и въ своемъ безграничномъ безстыдствѣ и кощунствѣ.

Поэма глубоко несовременна по стилю и манерѣ стиха. Она написана Пушкинымъ въ первый періодъ его творчества и примыкаетъ къ длинной цѣпи христіанско-языческихъ произведеній, источникомъ которыхъ было итальянское кватроченто, а предѣломъ — французскій поэтъ Парни. И, тѣмъ не менѣе, ея не величественная, но изящная запретная красота волнуетъ, какъ если бы поэма была написана вчера.

Юноша-Пушкинъ въ „Гавриліадѣ“ рассказываетъ священнѣйшій мифъ христіанства о непорочномъ зачатіи Іисуса Христа, о Маріи Дѣвѣ, о Святомъ Духѣ и самомъ Богѣ-Отцѣ, объ архангелѣ Гавріилѣ и о „Проклятомъ“, т. е., о Зміи-Дьяволѣ, и иронически говоритъ въ началѣ —

Царю небесъ и Господу Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной...

Но по ходу поэмы дѣвственная жена „сѣдого старика, плохого столыра и плотника“ становится жертвой соблазна Дьявола. Не зная о ея паденіи въ объятіяхъ искушителя-Змія, Архангелъ возвѣщаетъ —

„О, радуйся, невинная Марія!
Любовь съ тобой, прекрасна ты въ женахъ.

Стократъ блаженъ твой плодъ благословенный:
Спасетъ онъ міръ и ниспровергнетъ адъ!..“

И вслѣдъ затѣмъ Марія становится наложницей архангела, и лишь третьимъ является къ ней полюбившій ее Богъ, въ видѣ голубя, какъ лебедь-Зевсъ къ Ледѣ.

Ни одинъ поэтъ въ мірѣ, кромѣ Пушкина, не въ состояніи былъ бы исполнить этотъ художественный замыселъ съ такой наивной простодушностью, что въ сердцѣ читателя не остается слѣда ужаса передъ кощунственно-эротическимъ превращеніемъ таинственнѣйшей догмы христіанства.

Прозрачныя мысли и серебряно-звонкій нѣжный пушкинскій стихъ покрыты легкимъ флеромъ полусерьезной ироніи и, какъ всегда, неразрывно слиты съ лирикой собственной жизни Пушкина, ибо Марія Дѣва въ „Гавриліадѣ“ явственно отражаетъ образъ возлюбленной Пушкина, еврейской дѣвушки.

Весьма вѣроятно, что близкіе годы, когда побѣдитъ церковная реакція, снова вернуть поэму Пушкина въ литературное подполье, изъ котораго она вышла въ сіяніи революціи. Но теперь, пока эстетическая мысль еще свободна, понятна та жадность, съ которой бросается читатель къ новоизданному произведенію русскаго національнаго генія.

Порочное любопытство исчезаетъ при чтеніи поэмы, ибо она такъ же невинна, какъ картины Тиціана. „Прекрасная шалость“, какъ называлъ „Гавриліаду“ кн. П. А. Вяземскій, не только шалость. Это — искра генія. Строжайшая научность и тяжелый критико-филологическій аппаратъ, какимъ снабдилъ изданіе В. Брюсовъ, вполне оправданы художественной цѣнностью поэмы. Даже не вникая въ содержаніе, читатель глубоко волнуется одновременно такъ знакомымъ и совершенно новымъ стихомъ Пушкина.

Изданіе этой поэмы — великое событіе 1917-1918 литературнаго русскаго года. Къ сожалѣнію, два изданія поэмы вышли въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, полностью разошлись (несмотря на дороговизну — 10 руб., а въ поэмѣ — 551 строка), и Югъ Россіи пока лишень той эстетической радости, которой наслаждалась культурная Москва.

Поэтому воспроизведеніе этой поэмы является необходимостью, доказывать которую безцѣльно, но вмѣстѣ съ тѣмъ редакція самымъ рѣшительнымъ образомъ отклоняетъ отъ себя отвѣтственность за кощунственное отношеніе поэмы къ христіанству и, преклоняясь передъ геніемъ національнаго поэта, осуждаетъ форму и образъ мнѣній А. С. Пушкина о христіанствѣ. Имѣя въ виду то обстоятельство, что московское изданіе поэмы разошлось въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и уже стало доступнымъ для всѣхъ на сѣверѣ Россіи, редакція считаетъ умѣстнымъ напечатать эту поэму, заранее отвергая тенденціозные упреки и обвиненія за содержаніе поэмы.

Во всякомъ случаѣ, рядъ мѣстъ, которыя могутъ оскорбить нравственное чувство читателя, замѣнены точками, но умножать до безконечности эти точки Редакція не рѣшилась, боясь разрушить цѣльное и стройное художественное зданіе.

Таврилада.

Поэма въ одной пѣснѣ.

Во-истину Еврейки молодой
Мнѣ дорого душевное спасенье!
Приди ко мнѣ, прелестный Ангелъ мой,
И мирное прими благословенье.
Спасти хочу земную красоту!
Любознательныхъ устъ улыбкою довольный,
Царю небесъ и Господу Христу
Пою стихи на лирѣ богомольной.
Смиранныхъ струнъ, быть можетъ, наконецъ
Ее плѣнятъ церковные напѣвы, —
И Духъ Святой осѣнитъ сердце дѣвы,
Властитель онъ и мыслей и сердецъ!
Шестнадцать лѣтъ — невинное творенье:
Бровь черная, двухъ дѣвственныхъ холмовъ
Подъ полотномъ упругое движеніе,
Нога любви, жемчужный рядъ зубовъ...
Зачѣмъ же ты, Еврейка, улыбнулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя — Марію описалъ...
Ахъ милая, ты, право, обманулась.

Въ тиши полей, вдали Иерусалима,
Вдали забавъ и юныхъ волокитъ,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранить,
Красавица, никѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вела спокойный вѣкъ.
Ея супругъ, почтенный человѣкъ,
Свѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеніи былъ единственный работникъ,
И день и ночь, имѣя много дѣлъ,
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ
На прелести, которыми владѣлъ,
И тайный цвѣтъ, которому судьбою
Назначена была другая честь,
.....
.....
.....
Онъ, какъ отецъ, съ невинной жилъ Еврейкой,
Её кормилъ — и больше ничего.

Но съ праведныхъ небесъ во время оно
Всевышній Богъ склонилъ привѣтный взоръ
На стройный станъ, на дѣвственное лоно
Рабы своей — и, чувствуя задоръ,
Онъ положилъ въ премудрости глубокой
Благословить достойный вертоградъ,
Сей вертоградъ забытый, одинокій,
Щедротю таинственныхъ наградъ!

Уже поля нѣмая ночь объемлетъ;
Въ своемъ углу Марія сладко дремлетъ,
Всевышній рекъ, и дѣвѣ снится сонъ:
Предъ нею вдругъ открылся небосклонъ;
Во глубинѣ небесъ необозримой,
Въ сіяніи и славѣ нестерпимой,
Тѣмы Ангеловъ волнуются, кишать,
Безчисленны летаютъ Серафимы,
Струнами арфъ бряцаютъ Херувимы,
Архангелы въ безмолвіи сидятъ,
Главы закрывъ лазурными крылами,
И яркими одѣянъ облаками
Предвѣчнаго стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтелъ вдругъ очамъ явился Онъ!
Всѣ пали ницъ!.. Умолкнувъ арфы звонъ.
Склонивъ главу, едва Марія дышитъ,
Дрожитъ какъ листъ и голосъ Бога слышитъ:
„Краса земныхъ, любезныхъ дочерей,
Израиля надежда молодая,

Зову тебя, любовію пылая,
Причастница ты славы будь моей,
Готова будь къ невѣдомой святинѣ,
Женихъ грядетъ, грядетъ къ своей рабынѣ“.
Вновь облакомъ одѣлся Божій тронъ;
Возсталъ духовъ крылатый легіонъ,
И раздалися небесной арфы звуки...

Открывъ уста, сложивъ умильно руки,
Лицу небесъ Марія предстоить.
Но что же такъ волнуетъ и манитъ
Ея къ себѣ внимательные взоры?
Кто сей въ толпѣ придворныхъ молодыхъ
Съ нея очей не сводитъ голубыхъ?..
Пернатый шлемъ, роскошные уборы,
Сіянье крылъ и локоновъ златыхъ,
Высокій станъ, взоръ томный и стыдливый —
Все нравится Маріи молчаливой..
Замѣченъ онъ, одинъ онъ сердцу милъ!
Гордись, гордись, Архангелъ Гавріилъ!..
Пропало все, не внемля дѣтской пени;
На полотнѣ такъ исчезаютъ тѣни,
Рожденные въ волшебномъ фонарѣ.
Красавица проснулась на зарѣ
И чѣжилась на ложѣ томной лѣни,
Но дивный сонъ, но милый Гавріилъ
Изъ памяти ея не выходилъ.
Царя небесъ она плѣнить хотѣла,
Его слова пріятны были ей,
И передъ нимъ она благоговѣла..
Но Гавріилъ казался ей милѣй.
Такъ иногда супругу генерала
Затянутый плѣняетъ адъютантъ.
Что дѣлать намъ? Судьба такъ приказала.
Согласны въ томъ невѣжда и педантъ.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другого я не смыслю разговора. —
Въ тѣ дни, когда отъ огненного взора
Мы чувствуемъ волненіе въ крови,
Когда тоска обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу тяготитъ,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томитъ
Предметъ одинъ и думы и страданій, —
Не правда ли, въ толпѣ молодыхъ друзей
Наперсника мы ищемъ и находимъ?
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ страстей
Нарѣчимъ восторговъ переводимъ..
Когда же мы поймали на лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложе наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать, —
Чтобъ оживить объ ней воспоминанье,
Съ наперсникомъ мы любимъ поболтать.

И ты, Господь, позналъ сіе волненіе,
И ты пылалъ, о Боже, какъ и мы!
Создателю постыло все творенье,
Наскучило небесное моленіе,
Онъ сочинялъ любовные псалмы
И громко пѣлъ: „Люблю, люблю Марію,
Въ уныніи безсмертіе влачу..
Гдѣ крыліе?.. къ Маріи полечу
И на груди красавицы почію!“
И прочее... все, что придумать могъ:
Творецъ любилъ восточный, пестрый слогъ.
Потомъ, призвавъ любимца Гавріила,

Свою любовь онъ прозой объяснялъ.
Бесѣды ихъ намъ церковь утаила,
Евангелистъ немного оплошалъ:
Но говорить армянское преданье,
Что царь небесъ, не пожалѣвъ похвалъ,
Въ меркуріи Архангела избралъ,
Замѣта въ немъ и умъ и дарованье —
И вечеркомъ къ Маріи подослалъ.
Архангелу другой хотѣлось чести!
Нерѣдко онъ въ посольствахъ былъ счастливъ;
Переносить записочки да вѣсти
Хоть выгодно, но онъ самолюбивъ!
И славы сынъ, намѣренъ сокрывъ,
Сталъ нехотя услужливый угодникъ
Царю небесъ...

Но старый врагъ, не дремлетъ сатана;
Услышалъ онъ, шатаясь въ бѣломъ свѣтѣ,

Что Богъ имѣлъ Еврейку на при-
мѣтъ —

Красавицу, которая должна
Спасти нашъ родъ отъ вѣчной муки
ада;

Лукавому великая досада,
Хлопочетъ онъ. — Всевышній, ме-
жду тѣмъ,
На небѣ самъ сидѣлъ въ уныньи
сладкомъ,
Весь міръ забылъ, не правилъ онъ
ничѣмъ —
И безъ него все шло своимъ по-
рядкомъ.

Что жъ дѣлаетъ Марія? гдѣ она,
Іосифа печальная супруга?
Въ своемъ углу, печальныхъ думъ
полна,

Проводить часъ невиннаго досуга
И снова ждетъ плѣнительнаго сна;
Съ ея души не сходитъ образъ ми-
лый,

Къ Архангелу летитъ душой уны-
лой;

Въ прохладѣ пальмъ, подъ гово-
ромъ ручья,

Задумалась красавица моя.
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье...
Не весело веселыхъ водъ жур-
чанье...

И видитъ вдругъ: прекрасная змѣя,
Приманчивой блистая чешуею,
Въ тѣни вѣтвей качается надъ нею,
И говоритъ: „Любимица небесъ,
Не убѣгай, я плѣнникъ твой по-
слухный“...

Возможно ли? о чудо изъ чудесъ!..
Кто жъ говоритъ Маріи простодуш-
ной,

Кто жъ это былъ? Увы, конечно, бѣсъ!

Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразь,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Понравились Маріи въ тотъ же часъ.
Чтобъ усладить младого сердца праздность,
На сатанѣ покоя нѣжный взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ:
„Кто ты, змѣя? По льстивому напѣву,
По красотѣ, по блеску, по глазамъ,
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успѣлъ къ таинственному древу
И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ.
Ты погубилъ неопытную дѣву,
А съ нею весь Адамовъ родъ и насъ!
Мы въ безднѣ бѣдъ невольны потонули!
Не стыдно ли?“

— Попы васъ обманули,

И Еву я не погубилъ, а спасъ.
„Спасъ! отъ кого?“

— Отъ Бога.

„Врагъ опасный!“

— Онъ былъ влюбленъ.

„Послушай! берегись“.

— Онъ къ ней пылалъ, —

„Молчи!“

— Любовью страстной.

Она была въ опасности ужасной.

„Змѣя, ты лжешь?“

— Ей Богу!

„Не божись“.

— Но выслушай!..

Подумала Марія:

Не хорошо въ саду, наединѣ,

Украдкою внимать навѣтамъ змѣя,

И кстати ли повѣрять сатанѣ!

Но Царь небесъ меня хранить и
любить,

Всевышній благъ, — онъ вѣрно не
погубитъ

Своей рабы... за что жъ? За раз-
говоръ!

Къ тому же онъ не дастъ меня
въ обиду,

Да и змѣя скромна довольно съ
виду,

Какой тутъ грѣхъ? Гдѣ зло? пу-
стое, вздоръ!

Подумала и ухо преклонила,
Забывъ на часъ любовь и Гавріила.
Лукавый бѣсъ, не медля развер-
нувъ

Гремучій хвостъ, согнувъ дугою
шею,

Съ вѣтвей скользитъ и падаетъ
предъ нею;

Желаній огонь во грудь ея вдо-
хнувъ,

Онъ говоритъ:

„Съ рассказомъ Моисея,
Не соглашу рассказа моего;

Онъ вымысломъ плѣнить хотѣлъ
Еврея,

Онъ важно лгалъ, — и слушали его.
Богъ наградилъ въ немъ слогъ и

умъ покорный,

Сталъ Моисей извѣстный госпо-
динъ;

Но я, повѣрь, — историкъ не при-
дворный,

Не нуженъ мнѣ пророка важный
чинъ.

„Онѣ должны, красавицы другія,

Завидовать огню твоихъ очей,
Ты рождена, о скромная Марія!
Чтобъ изумлять адамовыхъ дѣтей,
Чтобъ властвовать надъ нѣжными сердцами,
Улыбкою блаженство имъ дарить,
Сводить съ ума двумя, тремя словами,
По прихоти любить и не любить...
Вотъ жребій твой! Какъ ты, младая Ева
Въ своемъ саду, скромна, умна, мила,
Но безъ любви въ уныніи цвѣла.
Всегда одни, глазъ на глазъ, мужъ и дѣва
На берегахъ Эдема свѣтлыхъ рѣкъ,
Въ спокойствіи вели свой тихій вѣкъ.
Скучна была ихъ дней однообразность,
Ни рощи сѣнь, ни молодость, ни праздность,
Ничто любви не воскрешало въ нихъ;
Рука съ рукой гуляли, жили, ѣли.
Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли

Выставка „Союза Искусствъ“.

Фодант.

Смерть Пьерро.

Ни страстныхъ игръ, ни радостей живыхъ...
 Что скажешь ты? — Тиранъ несправедливый,
 Еврейскій Богъ, угрюмый и строптивый,
 Адамову подругу полюбя,
 Ее хранилъ для самого себя...
 Какая честь и что за наслажденье?
 На небесахъ, какъ будто въ заточеньи,
 У ногъ его молился да молился,
 Хвали его, красъ его дивись;
 Взглянуть не смѣй украдкой на другого,
 Съ Архангеломъ тихонько молвить слово, —
 Вотъ жребій той, которую Творецъ

Себѣ возьметъ въ по-
 други наконецъ.
 И что жъ потомъ? за
 скуку, за мученье
 Награда вся дѣячкова
 осиплыхъ пѣнье,
 Свѣча, старухъ докуч-
 ная мольба,
 Да чадъ кадилъ, да об-
 разъ подъ алмазомъ,
 Написанный какимъ-то
 богомазомъ...
 Какъ весело! завидная
 судьба!
 Мнѣ стало жаль моей
 прелестной Евы,
 Рѣшился я, создателю
 на зло,
 Разрушить сонъ и юно-
 ши и дѣвы.
 Ты слышала, какъ все
 произошло?

Счастливымъ знакомъ, люб-
 ви символъ призывной,
 Открыли ей неясную
 мечту...
 Проснулись неясныя
 желанья,
 Она свою познала кра-
 соту,

И нѣгу чувствъ, и сердца трепетанье,
 И юнаго супруга наготу.
 Я видѣлъ ихъ! Любви моей науки
 Прекрасное начало видѣлъ я!
 Въ глухой лѣсокъ ушла чета моя...
 Тамъ быстро ихъ блуждали взгляды, . . .

Застѣнчивый, неловкій и нѣмой,
 Адамъ искалъ восторговъ упоенья.
 Онъ вопрошалъ источникъ наслажденья
 И, закипѣвъ душой, терялся въ немъ..
 И, не страшась божественнаго гнѣва,
 Вся въ пламени, власы раскинувъ, Ева,
 Едва, едва устами шевеля,
 Лобзаніямъ Адама отвѣчала,
 Въ слезахъ любви, въ безчувствіи лежала
 Подъ тѣнью пальмъ, — и юная земля
 Любовниковъ цвѣтами осыпала.
 Блаженный день! Увѣнчанный супругъ
 Жену ласкалъ съ утра до поздней ночи,
 Во тѣмъ ночной смыкалъ онъ рѣдко очи,
 И какъ зари украшенъ былъ досугъ, —
 Ты знаешь. Богъ, утѣхи прерывая,
 Четую мою лишилъ навѣки рая.
 Онъ ихъ изгналъ изъ милой стороны,
 Гдѣ безъ трудовъ они столь сладко жили,
 И дни свои невинно проводили
 Въ объятіяхъ лѣнливой тишины.
 Но имъ открылъ я тайну сладострастья
 И младости веселыя права,
 Томленье чувствъ, восторги, слѣзы счастья
 И поцѣлуй, и нѣжныя слова!..

Борисовъ-Мусатовъ.

Скажи теперь? ужели я предатель?
 Ужель Адамъ несчастливъ отъ меня?
 Не думаю! но знаю только я,
 Что съ Евою остался я пріятель“.

Умолкнулъ бѣсъ. Марія въ тишинѣ
 Коварному внимала Сатанѣ.
 „Что жъ, думала, быть можетъ, правъ лукавый,
 Слыхала я, ни почестями, ни славой,
 Ни золотомъ блаженства не купить;
 Слыхала я, что надобно любить!..
 Любить! Но какъ? зачѣмъ? и что такое!..“

А между тѣмъ вни-
 манье молодое
 Ловило все въ разска-
 захъ Сатаны:
 И дѣйствія, и странныя
 причины,
 И смѣлый слогъ, и воль-
 ные картины;
 Охотники мы все до
 новизны.
 Часъ отъ часу неясное
 начало
 Опасныхъ думъ каза-
 лось ей яснымъ,
 И вдругъ змѣи какъ
 будто не бывало —
 И новое явленіе пе-
 редъ ней;
 Марія зрѣтъ красавца
 молодого
 У ногъ своихъ. Не го-
 воря ни слова,
 Къ ней устремивъ чу-
 десный блескъ очей,
 Чего-то онъ краснорѣ-
 чиво просить,
 Одной рукой цвѣточекъ
 ей подносить,

Requiem.

Все для Маріи диво,
 Все кажется ей ново, мудрено..
 А между тѣмъ румянецъ не стыдливый
 На дѣвственныхъ ланитахъ заигралъ,
 И томный жаръ и вздохъ нетерпѣливый
 Младую грудь Маріи подымалъ..
 Она молчитъ, но вдругъ не стало мочи,
 Закрылися блистательныя очи, —
 Къ лукавому склонивъ на грудь главу,
 Вскричала: ахъ!.. и пала на траву.

О милый другъ, кому я посвятилъ
 Всѣ первыя надежды и желанья!
 Красавица, которой я былъ милъ,
 Простишь ли мнѣ мои воспоминанья?
 Мои грѣхи, забавы юныхъ дней,
 Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
 При матери докучливой и строгой,
 Тебя томилъ я тайною тревогой
 И просвѣтилъ невинныя красы..
 Обманывать печальную разлуку
 И услаждать безмолвные часы
 Безсонницы дѣвическую скуку.
 Но молодость утрачена твоя,
 Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
 Твоя краса во цвѣтѣ помертвѣла..
 Простишь ли мнѣ, о милая моя?

Отецъ грѣха, лукавый врагъ Маріи,
 Ты есть и былъ предъ нею виновать,

Ея тебѣ пріятель былъ развратъ,
И ты успѣлъ преступною забавой
..... супругу просвѣтить
И дерзостью невинность изумить,
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Спѣши ловить... Но близокъ, близокъ часъ!..
Вотъ меркнетъ свѣтъ, заката лучъ погасъ.
Все тихо... Вдругъ надъ дѣвой утомленной
Шутя парить Архангелъ окрыленный,
Посоль любви, блестящій сынъ небесъ.
Отъ ужаса при видѣ Гавріила
Красавица лице себѣ закрыла.

Выставка „Союза Искусствъ“.

Рис. В. Зодрицкаго.

Предъ нимъ возсталъ, смутился мрачный бѣсъ
И говоритъ: „Счастливецъ горделивый,
Кто звалъ тебя? Зачѣмъ оставилъ ты
Небесный дворъ, зѣира высоты?
Зачѣмъ мѣшать утѣхѣ молчаливой,
Занятіямъ чувствительной четы?“
Но Гавріиль, нахмуривъ взглядъ ревнивый,
Такъ на вопросъ и дерзкій и шутиливый:
„Безумный врагъ небесной красоты,
Повѣса злой, изгнанникъ безнадежный,
Ты соблазнилъ красу Маріи нѣжной
И смѣешь мнѣ вопросы задавать?
Бѣги сей часъ, безстыдникъ, рабъ мятежный,
Иль я тебя заставлю трепетать“.
„Не трепеталъ отъ вашихъ я придворныхъ,
Всевышняго прислужниковъ покорныхъ,
Отъ сводниковъ небеснаго царя“, —
Проклятый рекъ и, злобою горя,
Наморщивъ лобъ, скосясь, кусая губы,
Архангела ударилъ прямо въ зубы!
Раздался крикъ, шатнулся Гавріиль
И лѣвое колѣно преклонилъ;
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ жаромъ,
И сатану нечаяннымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ. Всѣ ахнули, поблѣднѣвъ,
И ворвались въ объятія другъ другу.
Ни Гавріиль, ни бѣсъ не одолѣвъ:

Сплетенные, крутясь, идутъ по лугу,
На вражью грудь опершись бородой,
Соединивъ крестъ на крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собой.

Не правда ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, играли мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Усталые, забывъ и брань и рѣчи,
Такъ ангелы боролись межъ собой.
Подземный царь, бунтъ широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ увертливымъ врагомъ,
И, наконецъ, желая кончить разомъ,
Съ Архангела пернатый сбиль шеломъ,
Златый шеломъ, украшенный алмазомъ;
Схвативъ врага за мягкіе волосы,
Онъ сзади гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ. Марія предъ собою
Архангела зрѣть юныя красы
И за него въ безмолвіи трепещетъ!
Ужъ ломить бѣсъ, ужъ адъ въ восторгъ плещетъ;
По счастью проворный Гавріиль

Проклятый палъ! Пощады запросилъ
И въ темный адъ едва нашелъ дорогу.
На дивный бой, на страшную тревогу
Красавица смотрѣла чуть дыша;
Когда же къ ней, свой подвигъ соверша,
Привѣтливо Архангелъ обратился,
Огонь любви въ лицѣ ея разлился,
И нѣжностью наполнилась душа.
О, какъ была Еврейка хороша!

Посоль пылалъ и чувства чужія
Такъ изъяснилъ въ божественныхъ словахъ:
„О радуйся, невинная Марія!
Любовь съ тобой, прекрасна ты въ женахъ,
Стократъ блаженъ твой плодъ благословенный:
Спасетъ онъ міръ и ниспровергнетъ адъ!
Но признаюсь душою откровенной,

И передъ ней колѣнопреклоненный,
Онъ между тѣмъ ей нѣжно руку жалъ...
Потупя взоръ прекрасная вздыхала...
И Гавріиль ее поцѣловалъ.
Смутясь она краснѣла и молчала;
Ея груди дерзнулъ коснуться онъ...
„Оставь меня“, Марія прошептала,
И въ тотъ же мигъ лобзаньемъ заглушенъ
Невинности послѣдній крикъ и стонъ.
Что дѣлать ей? Что скажетъ Богъ ревнивый?
Не сѣтуйте, красавицы мои,
О женщины, наперсницы любви!
Умѣете вы хитростью счастливой
Обманывать вниманье жениха
И знатокъ внимательные взоры,
И на слѣды пріятнаго грѣха
Невинности набрасывать уборы.
Отъ матери проказливая дочь
Беретъ урокъ стыдливости покорной
И мнимыхъ мукъ, и съ робостью притворной
Играетъ роль въ рѣшительную ночь;
И по утру, оправаясь понемногу,
Встааетъ блѣдна, чуть ходитъ, такъ томна!
Въ восторгъ мужъ, мать шепчетъ: Слава Богу,
А старый другъ стучится у окна.

Ужъ Гавріиль съ извѣстіемъ пріятнымъ
По небесамъ летитъ путемъ обратнымъ.
Наперсника нетерпѣливый Богъ
Привѣтствіемъ встрѣчаетъ благодатнымъ:
„Что новаго?“—Я сдѣлалъ все, что могъ,

Я ей открылъ. „Ну, что жъ она?“ — Готова.
И царь небесъ, не говоря ни слова,
Съ престола всталъ и маніемъ бровей
Всѣхъ удалилъ, какъ древній богъ Гомера,
Когда смирялъ безчинныхъ онъ дѣтей;
(Но Гречин навѣкъ угасла вѣра,
Зевеса нѣтъ, мы сдѣлались умнѣй).

Упоена живымъ воспоминаньемъ,
Въ своемъ углу Марія въ тишинѣ
Покоилась на смятой простынѣ.
Душа горитъ и нѣгой и желаньемъ,
Младую грудь волнуетъ новый жаръ!
Она зоветъ тихонько Гавріила,
Его любви готова новый даръ,
Ночной покровъ ногою отдалила,
Довольный взоръ съ улыбкою склонила,
И счастлива въ прелестной наготѣ,
Сама своей дивилась красотѣ.
Но между тѣмъ въ задумчивости нѣжной
Она грѣшитъ, прелестна и томна.
Смѣешься ты, лукавый сатана!

И что же? вдругъ мохнатый, бѣлокрылый
Въ ея окно влетаетъ голубъ милый,
Надъ ней кругомъ порхаетъ и кружить
И пробуетъ веселые напѣвы...

..... копытитъ, вертится,
И ножками и носикомъ трудится.
Онъ, точно онъ, — Марія поняла,

.....
Колѣни сжавъ, Еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубъ торжествуетъ!
Въ жару любви трепещетъ и воркуетъ
И падаетъ, объятый легкимъ сномъ,

.....
Онъ улетѣлъ, усталая Марія
Подумала: „Вотъ шалости какія!
Одинъ, два, три — какъ это имъ не лѣнь?

Могу сказать, перенесла тревогу!
Досталась я въ одинъ и тотъ же день

.....
.....
Но Гавріиль, завидная судьбина,
Не преставалъ являться ей тайкомъ.
Какъ многіе, Іосифъ былъ утѣшенъ:
Онъ предъ женой по прежнему безгрѣшенъ,
.....
За то Господь и наградилъ его.

Аминь, аминь! Чѣмъ кончу я рассказы,
На вѣкъ забывъ старинныя проказы,
Я пѣлъ тебя, крылатый Гавріиль,
Смиранныхъ струнъ тебѣ я посвятилъ
Усердное спасительное пѣнье:
Храни меня, внемли мое моленіе!
Досель я былъ еретикомъ въ любви,
Младыхъ . . . безумный обожатель,
Другъ демона, повѣса и предатель;
Раскаянье мое благослови!
Приемлю я намѣренія благія,
Перемѣнюсь: Елену видѣлъ я.
Она мила, какъ нѣжная Марія!
Подвластна ей навѣкъ душа моя.
Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
Понравится повѣдай тайну мнѣ,
Въ ея душѣ зажги любви желанье,
Не то пойду молиться сатанѣ.
Но дни текутъ, а время сѣдиною
Мою главу тишкомъ посеребрить,
И важный бракъ съ любезною женою
Предъ алтаремъ меня соединить.
И я тогда, Іосифъ утѣшитель,
Молю тебя, колѣно преклоня,
О, рогачей заступникъ и хранитель,
Молю, тогда благослови меня.
Даруй ты мнѣ безпечность и смиренье,
Даруй ты мнѣ терпѣнье вновь и вновь,
Спокойный сонъ, въ супругъ увѣренье,
Въ семействѣ миръ и къ ближнему любовь.

Слово о гибели русской земли.

КОГДА разрушилась великая Римская имперія, когда за праздникомъ своего тысячелѣтія, она распалась подъ ударами германцевъ на разрозненные и ничтожныя государства, сердца европейскихъ варваровъ были потрясены ужасомъ и смятеніемъ.

Когда распалась великая Россійская имперія, когда погибла Россія, когда исчезъ восточный исполинъ, въ теченіе столѣтій бросавшій сумрачную тѣнь на весь Западъ, сердца варваровъ такъ же были потрясены. Вздволнованные и смущенные, они откликнулись на гибель древней страны погребальнымъ плачемъ, не менѣе скорбнымъ и мощнымъ, чѣмъ пѣснь невѣдомаго древняго варвара, сложившаго слово о гибели русской земли отъ набѣговъ половецкихъ и отъ княжескихъ усобицъ.

Скиевы, этимъ именемъ назвавшіе себя поэты, объединенные новымъ революціонно-славянофильскимъ народничествомъ лѣвые социалисты-революціонеры, сложили на струнахъ своей варварской лиры мрачныя сказанія о гибели Россіи.

Творенія скиевъ дали русской національной литературѣ нѣчто совершенно новое, дониндѣ неслыханное по своимъ трагическимъ звучаніямъ. Съ 1918 года, когда кончила смертью Россія свой путь, беретъ свое начало новое національное искусство.

Здѣсь обнаруживается неразрѣшимое противорѣчіе. Пока было національное государство, не было національной литературы. Когда погибло оно, возникла революціонная и социалистическая, глубоко національная литература. Еще и теперь Бальмонтъ, имя котораго — знамя, расшитое шелками стиховъ, гордый вымпелъ послѣдняго

періода русской литературы, пишетъ: „Долгими, сложными, трудными путями сдѣлать такъ, что въ Индіи ты Индусъ, что въ Египтѣ ты Египтянинъ, и Мусульманинъ съ Арабомъ и жадный Испанецъ въ моряхъ, — это я знаю. Не признавать никакихъ рамокъ и ограниченій...“ Еще и теперь И. Бунинъ, въ книгѣ, вышедшей въ дни паденія Россіи, пишетъ о Сициліи, объ Иліонѣ, о Египтѣ, объ Аппенинахъ и Калабріи, объ Ассуанѣ, о Цейлонѣ и лишь между прочимъ о Россіи.

Эпоха русской литературы девятнадцатыхъ и девятисотыхъ годовъ не знала національности. Самымъ національнымъ изъ писателей былъ, быть можетъ, только интернационалистъ и изгнанникъ изъ русской земли Максимъ Горькій. Всѣ остальные скитались въ экзотикѣ чуждыхъ странъ, овѣянные стихіей международного модернизма.

А теперь — покаянный вопль...

„О, моя родина горемычная, мать моя униженная... Я не разъ отрекался отъ тебя въ тѣ былые дни, грознымъ словомъ Грознаго въ отчаяніи задохнувшася сердца моего проклиналъ тебя за крому и неправду твою... Но теперь, нѣтъ, я не оставляю тебя и въ грѣхѣ твоёмъ, и въ бѣдѣ твоей, вольную и полоненную, свободную и связанную, святую и грѣшную, свѣтлую и темную... Ободранный и нѣмой стою въ пустынѣ, гдѣ была когда-то Россія. Душа моя запечатана. Все, что было у меня, все растащили, сорвали одежду съ меня... Злоба кипитъ въ душѣ, кипитъ безсильная: вѣдь полжизни сгорѣло изъ-за той Россіи, которая обратилась теперь въ ничто, а могла бы быть всѣмъ... Скорбь моя безпредѣльная... Слышите! Нѣтъ ничего, ни Кремля, ни Россіи — ровъ и гладь. Приходи и строй! Приходи, кому охота, и дѣлай дѣло свое, — воздвигай новую Россію на мѣстѣ горѣломъ. А про старое, про бывалое забудь. Ты весь Китежъ изводи сѣтями — пусто озеро, ничего не найти. Единный конецъ безъ конца“.

Этими словами-криками отзывается Алексѣй Ремизовъ въ самомъ потрясающемъ произведеніи русской литературы 1918 года на смерть Россіи. И самое потрясающее, что полтора года говорили и кричали о „предателяхъ“ и о „гибели Россіи“, но слова были мертвыми, заученными, и теперь, когда пришла настоящая бѣда, когда дѣйствительно погибла Россія, не изобразить своего горя надъ нею ни митингово-либеральной рѣчью, ни газетно-патріотической статьёй, а какимъ-то совсѣмъ инымъ голосомъ изъ глубины надломленной революціонной совѣсти...

II.

Новое социалистическое славянофильство возникло у лѣвыхъ эсеровъ, соединившихъ интернационализмъ съ исповѣданіемъ крестьянской Россіи, Ржаного Града.

Царская Россія была проникнута бездоннымъ противорѣчіемъ: рабства и могущества. Стояла Россія огромная, полмира затмившая черной ризой царскаго рабства. Внутри жили рабы, и все, что хватало двуглавый орелъ жестокими когтями, превращало въ прахъ, въ позоръ, въ ничтожество. Когда же освободилась Россія, противорѣчіе не изсякло. Погибло подлое и преступное — самодержавіе, но погибло и свѣтлое, великое — сама Россія.

Какимъ образомъ революція стала мостомъ отъ рабскаго могущества къ безсильной свободѣ? „Иль намъ съ Европой спорить ново? Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?“

Иль мало насъ? Или отъ Перми до Тавриды,
Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля

До стѣнъ недвижнаго Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ Русская земля?..

Въ Финляндіи надъ братской могилой десятковъ тысячъ пролетаріевъ, у тюремныхъ стѣнъ, гдѣ терзаютъ плѣнниковъ красной гвардіи, чужеземный деспотъ готовится надѣть на себя корону. Въ Грузіи — правительство социалистовъ. Въ Перми — какая-то невѣдомая власть, не то совѣтская, не то купеческо-помѣщичье правительство, не то диктатура удачливаго генерала. Въ Крыму свирѣпый терроръ, и море, выбрасывающее трупы на берегъ. Въ Кремлѣ — красное безуміе надъ трупомъ Доры Капланъ, у постели раненаго Ленина. А у стѣнъ Китая красныя знамена большевиковъ встрѣтились въ битвѣ съ желтымъ знаменемъ Японіи. Тамъ — передовые разноплеменные отряды империалистовъ бьются съ красногвардейскими апостолами міровой революціи.

Насталъ моментъ, о которомъ пророчески воскликнулъ Владимиръ Соловьевъ —

О Русь, забудь былую славу:
Орелъ двуглавый сокрушенъ,
И желтымъ дѣтямъ на забаву
Даны клочки твоихъ знаменъ.
Смирится въ трепетъ и страхъ,
Кто могъ завѣтъ любви забыть...
И Третій Римъ лежитъ во прахъ,
А ужъ Четвертому не быть!
Россія — Третій Римъ. Она уничтожена —

Какъ саранча, неисчислимы
И ненасытны, какъ она,
Невѣдѣнной силою хранимы,
Идутъ на Сѣверъ племена...

Вл. Соловьевъ знаетъ, что Россія погибла за то, что она поддалась соблазну льстецовъ, стала „Россіей Ксеркса“, покорилась самодержавію, и пережила судьбу перваго Рима, павшаго отъ германцевъ, и Рима второго, Византіи. Въ самодержавіи первородный грѣхъ, искупленіе котораго — кровь русскаго народа и жизнь самой Россіи.

Пушкинъ, даже въ своей мечтѣ о томъ, что по зову русскаго царя встанетъ великая страна противъ завоевателей-пришельцевъ, требовалъ невмѣшательства ихъ въ споръ славянъ между собой. Теперь

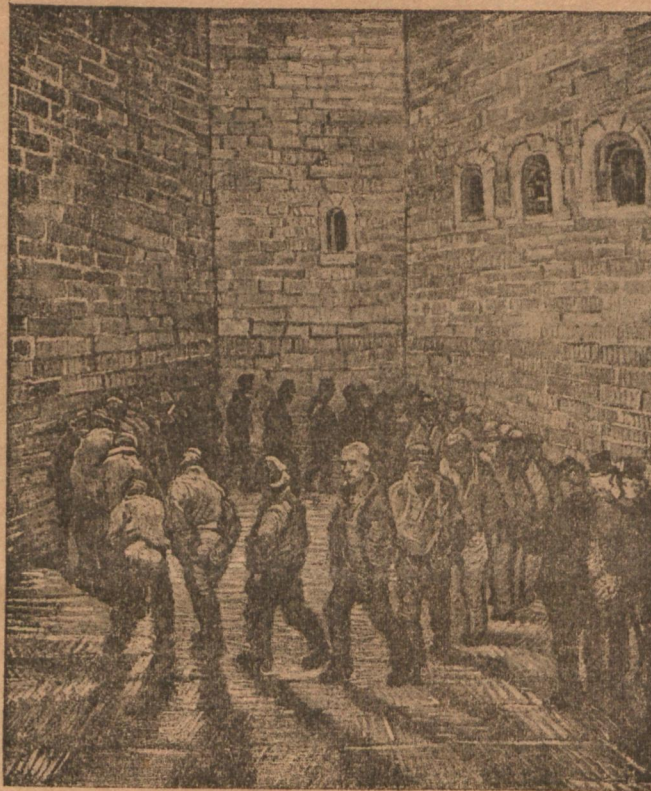
вмѣшались чужія силы, раскололи Россію и умертвили ее. Споръ славянъ между собой... Гражданская война! Когда пала Варшава, Тютчевъ въ 1831 году говорилъ —

...мы надъ горестной Варшавой
Ударъ свершили роковой,
Да купимъ сей цѣной кровавой
Россіи цѣлость и покой...
Грозой спасительной примѣра
Державы цѣлость соблести...
Ты палъ, орелъ одноплеменный,
На очистительный костеръ!
Вѣрь слову русскаго народа:
Твой пепелъ мы свято сбережемъ,
И наша общая свобода,
Какъ фениксъ, возродится въ немъ!

Не съ этой ли самой мыслью сѣверные комиссары посылали отряды на Югъ, бомбардировали Кіевъ и Ростовъ, и еще раньше стрѣляли въ окна дворцовъ Кремля? Не съ этой ли мыслью добровольческая армія совершаетъ обратный кровавый путь —

Славянъ родныхъ поколѣнья
Подъ знамя русское собрать
И вѣсть на подвигъ просвѣщенья
Единомысленную рать.

Проклятая мысль — гражданской войной, взаимнымъ самоубійствомъ спаивать цѣлость страны! Подъ хищнымъ взоромъ ин-

В. Ванъ-Гогъ.

Во дворѣ тюрьмы.

земца бить штыкомъ и прикладомъ, стрѣлять, вѣшать и избивать шомполами, и все это —

Не за коранъ самодержавья,
не съ „покорностью палача“, не увлекаемые „ручнымъ звѣрствомъ янычара“...

„Человѣкоборцы безбожные, на землѣ мечтающіе создать рай земной, жены и мужи праведные въ любви своей къ человѣчеству, вожди народные, только счастья ему желавшіе, вы, дѣлая дѣло свое, вы по кусочкамъ вырывали вѣру, не замѣтили, что съ вѣрой погибла сама русская жизнь. Нынѣ въ сердцевины подточилась Россія. Русь моя, ты горишь! Русь моя, ты упала, не поднять тебя, не подымешься. Русь моя, земля русская, родина беззащитная, обезпощенная кровью братскихъ полей, подожжена горишь!“

Такъ провожаетъ гробъ Россіи Алексѣй Ремизовъ...

III.

И онъ же говоритъ: „Сотрутъ имя твое, сгинешь, и стояла ты или не была, кто вспомнеть? Я душу сохраню мою русскую съ вѣрой въ правду твою страдную, скрою въ сердцѣ своемъ, скрою память о тебѣ, пока слово мое, рѣчь твоя будутъ жить на трудной крестной землѣ, безъ подвига, безъ жертвы, въ пѣснонѣннѣ“.

Когда единственно русскимъ остался языкъ, но не государство, не культура, не народъ, — все разодранное въ кровавыя лохмотья внутренней войной и хищникомъ-пришельцемъ, когда умерла Россія, распятая на крестѣ империализма, какъ сказалъ о ней Л. Мартовъ, — тогда литература превращается въ могучее оружіе борьбы за воскрешеніе распятаго народа. Счастье русской литературы въ томъ, что новый могучій потокъ національной художественности возникъ въ глубинѣ демократіи, въ глубинѣ самой революціи.

Послѣ пораженія первой революціи Андрей Бѣлый писалъ о Россіи съ такой же бездонной скорбью, какъ теперь А. Ремизовъ —

Довольно! Не жди, не надѣйся,
Разсѣйся, мой бѣдный народъ!
Въ пространство пади, и разбейся
За годомъ мучительный годъ!

Онъ говорилъ о вѣкахъ нищеты и безволя и о томъ, что —
Надъ страной моей родимой
Встала смерть!

Безъ надежды, безъ вѣры — проклятье безумной странѣ —
Роковая страна, ледяная,
Проклятая желѣзной судьбой...

Исчезни въ пространствѣ, исчезни,
Россія, Россія моя...

Отъ разочарованія въ революціи, къ новому революціонному упоенію, и опять въ глубину безразсвѣтной скорби... Этотъ зыбкій

поэтический путь проходить импрессионисты социальнаго творчества
Теперь А. Бѣлый въ симфонически-яркихъ, какъ гимны, стремительныхъ стихахъ исповѣдуетъ радость огневыхъ безумій —

Пусть въ небѣ и кольца Сатурна,
И млечныхъ путей серебро, —
Кипи фосфорически бурно,
Земли огневое ядро!
И ты, огневая стихія,
Безумствуй, сжигая меня,
Россія, Россія, Россія, —
Мессія грядущаго дня!

Одновременно въ литературѣ два противоположныхъ теченія, всплывшихся въ буйномъ водоворотѣ: поэтический ужасъ передъ лавиной всеобщей социальной гибели, передъ желѣзными громами грозы, въ которой погибла Россія, и, вмѣстѣ, трепетная вѣра... Это противорѣчіе слито въ „Словѣ о гибели Русской земли“ А. Ремизова.

Тьма вверху и внизу.
И свилось небо, какъ свитокъ.
И вѣту Бога.
И скрылся Онъ въ свиткѣ со звѣздами и солнцемъ
и луной.

Черная бездна разверзлась вверху и внизу.
И дьяволъ потерялъ смыслъ бытія своего, повисъ
на осинѣ Іуды.

А всѣ зачѣмъ-то еще живутъ“.

Какъ можно спрашивать, зачѣмъ жить? — если, вопреки гибели, вопреки черной трупной слизи, заразившей всю Россію, встаетъ новая стихія народной Россіи, если не кончена борьба, если не одно только отчаяніе дала русская литература 1918 года, но и неслыханно-мощныя слова революціонной силы. Самъ же А. Ремизовъ взволнованъ радостнымъ предчувствіемъ —

„Слышу трепетъ крыльевъ надъ головой моей.
Это новая Русь, прекрасная и вольная, царевна моя.
Русскій народъ, вѣрь, настанетъ Свѣтлый день“.

Противорѣчіе механически соединяетъ безпомощное разочарованіе и полумистическую вѣру въ воскрешшую Россію. И объ этомъ надо говорить отдѣльно и особо, объ этомъ противорѣчій скорбей и радостей въ литературѣ сегодняшняго дня, потому что впереди высится огромная, простая, какъ каменный сводъ, и вычурно-рѣзаная, какъ стеатитовый рельефъ, поэма Александра Блока „Скифы“ — самое необычайное и радостное явленіе, подаренное Россіи въ часъ ея смерти національной литературой.

Валентинъ Рожицынъ.

Cartes postales.

I.

Третій другъ.

ВОТЪ уже четвертый день я прихожу въ это кафе, сажусь за угловой столикъ и, спросивъ себѣ стаканъ кофе, наблюдаю...

Часовъ въ семь приходитъ она и тоже садится за столикъ. По виду ей лѣтъ двадцать; одѣта она не лучше и не уже, чѣмъ тѣ, другія, что приходятъ сюда. Она средняго оста, хорошо сложена. У нея аккуратно причесанные во-

лосы, тонкій носъ, тонкія, ярко красныя губы и блѣдное лицо. Но брови ея и глаза — черныя, усталыя, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто она не то что-то ищетъ, не то чего-то ждетъ.

Обыкновенно къ ней подходитъ одинъ изъ двухъ молодыхъ людей, сидящихъ чуть ли не съ утра до вечера въ этомъ кафе и играющихъ въ шахматы.

„Очередной“ кавалеръ сѣлъ противъ нея, спиной ко мнѣ, такъ, что я не могъ видѣть его лицо. А жалъ!..

Говорилъ что-то тихо; она молчала. Иногда иронически улыбалась и, прищуривъ глаза, смотрѣла на своего собесѣдника.

Потомъ вдругъ встала, и почти громко, такъ что я слышалъ, прощѣдила сквозь зубы:

— „Оставайтесь. Сидите—вы мнѣ ужа-асно надоѣли!“

Неожиданно она подошла ко мнѣ.

— „Разрѣшите пересѣсть къ вамъ. Здѣсь это принято“. Горько улыбнулась...

— „Вы, можетъ быть, подумаете обо мнѣ дурно, но увѣряю васъ, что прихожу я сюда вовсе не для того, чтобы здѣсь находить „поклонниковъ“. Впрочемъ, мнѣ безразлично—думайте, что вамъ угодно,—вы вправѣ: я подошла къ вамъ безъ приглашенія, которое вы врядъ ли сдѣлали бы порядочной дѣвушкѣ“...

Я былъ заинтересованъ до чрезвычайности и ждалъ, что будетъ дальше, такъ какъ и самъ я видѣлъ, что она не изъ тѣхъ, что приходятъ въ кафе однѣ, а уходятъ вдвоемъ...

Она помолчала. Наконецъ, снова заговорила:

— „Вы видѣли этихъ двухъ друзей? О, какъ они мнѣ надоѣли! И вѣдь, главное—оба одинаковы. Кажется, что не только костюмы ихъ заказаны у одного портного, но и мысли, и слова... И вѣдь оба „ухаживаютъ“ за мной по одиночкѣ“...

Она засмѣялась.

— „По одиночкѣ, по тактика у обоихъ одинакова.

И вѣдь начали тоже одинаковыми словами...“

Вдругъ смутилась и прервала.

— „Я васъ, вѣроятно, немного удивляю? Не отвѣчайте, не отвѣчайте, ради Бога, не лгите—вижу, что такъ. Да мнѣ все равно; я вовсе не смѣю требовать вашего уваженія“...

Мнѣ надо было говорить.

— „О нѣтъ! Я васъ уважаю уже хотя бы потому... потому...“

Дальше я не зналъ, что сказать. И вдругъ на умъ пришла затасканная фраза. Не подумавъ даже, я выпалилъ:

— „Хотя бы потому, что вы похожи на женщину, которую я люблю и уважаю“.

Раскрыла удивленно глаза свои черные и вдругъ вскочила и начала смѣяться:

— „Ха, ха! Можетъ быть, и у нея „такіе же большіе, красивые глаза“, „нѣжные, шелковистые волосы и задумчивая улыбка“?

Стала серьезной. И почти крикнула:

— „Вы! Ужъ не третій ли вы другъ. Да знаете ли вы, что и они оба начали этой же фразой,—только тѣ безъ повода съ моей стороны, а вы...“

Третій другъ!“

Повернулась и ушла.

Больше я ея не видѣлъ, хотя еще нѣсколько разъ приходилъ въ это кафе. Сидѣли за шахматами два друга и иронически посматривали на меня. Вѣроятно, слышали ея слова.

Третій другъ!

Только—зачѣмъ же она приходила сюда? Впрочемъ, мнѣ до нея нѣтъ никакого дѣла, никакого дѣла...

„Послушайте! Будьте любезны, принесите еще стаканъ черного кофе“.

II.

Въ три часа ночи.

Три часа ночи. Надо домой. Въ три часа ночи крадущаяся исподтишка осень не боится быть увидѣнной и торжествуя срываетъ съ деревьевъ сквера еще зеленоватые листья, и гудитъ, и поетъ гдѣ-то въ пяти-шести шагахъ отъ прохожаго. Всегда злорадно въ пяти-шести шагахъ и никогда—ближе. На углу домъ съ освѣщенными окнами; оттуда слышится музыка и топотъ. На слѣдующемъ углу, какъ всегда, къ нему, онъ знаетъ, подойдетъ одна, а то и двѣ некрасивыя дѣвушки и попросятъ прикурить. „Но вѣдь я же не курю“—скажетъ онъ. „Развѣ у васъ нѣтъ спичекъ?“—отвѣтятъ дѣвушки и сейчасъ же предложатъ пойти съ ними. „Нѣтъ. Я пойду домой“. И сегодня, какъ всегда, ему станетъ жаль ихъ, некрасивыхъ и поэтому еще свободныхъ въ три часа.

Проѣдетъ, покачивая головой, полусонный извозчикъ. Осень фыркнетъ на лошадь и, приплясывая, припрыгивая, подпѣвая, побѣжитъ дальше, шелестя листьями.

Навстрѣчу господинъ въ надвинутомъ на глаза котелкѣ и съ поднятымъ воротникомъ моднаго пальто ведетъ подъ руку дѣвочку лѣтъ шестнадцати. Оба молчатъ, и она немного пошатывается. „Навѣрно, подпоилъ и гдѣ-нибудь въ кабинетѣ цѣловалъ и волосатыми руками щупалъ и мялъ, можетъ быть, въ первый разъ, маленькія грудки. А впрочемъ, чепуха. Не подпоилъ—сама пришла“.

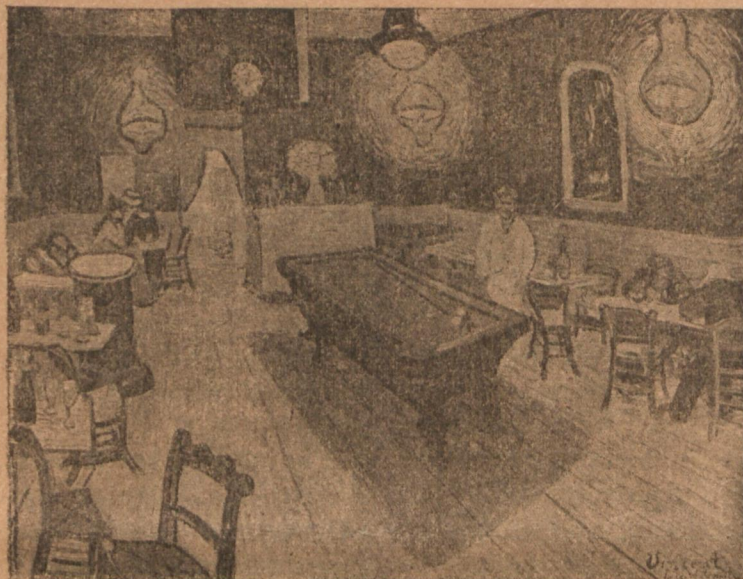
Еще два угла, и онъ будетъ дома. Спичекъ нѣтъ, и придется, ощупывая руками дверь, долго возиться съ американскимъ замкомъ.

Никакихъ мыслей. Глупости говорятъ, будто нельзя абсолютно ни о чемъ не думать.

Вѣроятно, минутъ черезъ пять стало холодно.

Съ изумленіемъ замѣтилъ, что панель сыра, и кое-гдѣ въ выбоинахъ камней маленькія лужи. Посмотрѣлъ на свое желтое лицо въ грязной водѣ. „Какъ Нарциссъ и Эхо тамъ Чортъ ихъ знаетъ“. Вокругъ лица сіяющимъ ореоломъ запылали отраженія фонарей. „Какъ у святыхъ на старыхъ иконахъ“. Засмѣялся. Поднялъ руку и торжественно сказалъ „Благословляю все.“

Измаилъ Уразовъ.

В. Ванъ-Гогъ.

Въ ночномъ кафе.

ЧАСТЬ 2.

Глава III.

Х-ый Павильонъ Варшавской Цитадели.

А не разъ до ареста бывалъ въ Варшавской Цитадели и въ знаменитомъ десятомъ Павильонѣ, исключительно предназначенномъ для политическихъ заключенныхъ.

Но и крѣпость и тюрьма днемъ представляютъ совершенно другое, чѣмъ ночью...

Когда мы подъѣхали къ цитадели, мостъ передъ воротами былъ поднятъ. Насъ окликнулъ часовой. Старшій жандармъ соскочилъ съ пролетки и, повидимому, сказалъ пароль... Часовой свистнулъ... Откуда-то вынырнулъ заспанный разводящій, опять куда-то нырнулъ, и мостъ сталъ медленно опускаться, и ворота крѣпости гостепріимно развернулись...

Слишкомъ тридцать лѣтъ спустя я присутствовалъ въ Цюрихѣ на похоронахъ профессора Эрисмана въ мѣстномъ крематоріи. Послѣдній моментъ похороннаго обряда производилъ потрясающее впечатлѣніе. Подъ траурные звуки гробъ съ тѣломъ по рельсамъ катится безшумно къ дверцамъ печи, эти дверцы распахиваются, гробъ движется медленно все дальше и дальше вглубь печи, дверцы закрываются... Все кончено... И вотъ этотъ моментъ похоронъ мнѣ живо напомнилъ распахнувшіеся ворота цитадели и поглотившія меня...

Внутри крѣпости шагавшіе передъ различными эдаіями часовые не обращали на насъ никакого вниманія, — для нихъ эти пролетки съ арестованными и жандармами были обычнымъ повседневнымъ явленіемъ. Врядъ ли хотя одинъ изъ нихъ на тысячу останавливался на мысли: „За что арестуютъ этихъ провозимыхъ мимо нихъ студентовъ“... А если останавливался, то рѣшалъ вопросъ по-солдатски: „Приказано!“

Уже начало разсвѣтать, когда мы подъѣхали къ 10-ому Павильону. Дежурный жандармъ доложилъ старшему, тотъ велъ насъ въ огромнѣйшую, слабо освѣщенную канцелярію, самъ побѣждалъ будить завѣдующаго...

Еще нѣсколько минутъ, и явился завѣдующій — капитанъ Александровичъ, типичнѣйшая тюремная крыса. Маленькій, щупленькій, на кривыхъ ножкахъ — онъ казался карикатурой на человѣка. Внѣшнему его виду отвѣчало внутреннее содержаніе. Онъ и тутъ былъ какой-то карриатурой. Вралъ артистически, передъ начальствомъ лебезилъ, передъ заключенными либеральничалъ, на арестантскихъ желудкахъ „экономилъ“, хлопоча лишь о томъ, чтобы все было шито-крыто. До остального ему не было дѣла. Если взятки не бралъ, то лишь изъ трусости, какъ бы не влопаться... Ненавидѣлъ жандармовъ, сознавая, что

именно они постоянно за нимъ надзираютъ, не пылаютъ любовью и къ заключеннымъ, „подводившимъ“ его то своимъ перестукиваніемъ, то „внутренней корреспонденціей“, — перепиской между собою, то внѣшней — перепиской съ волей.

Съ возмущеніемъ и негодованіемъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ рассказывалъ и заключеннымъ и ихъ роднымъ, приходившимъ къ нимъ на свиданія, какъ жестоко его „подвели“ заключенные еще въ 1878 году... Не только издавали въ 10-мъ Павильонѣ журналъ „Голосъ Узника“, но ухитрялись его отправлять на волю, и въ результатѣ онъ былъ захваченъ за границей, въ Краковѣ, во время обыска у политическихъ, заключенныхъ въ мѣстной тюрьмѣ.

Александровичъ только съ точки зрѣнія тѣхъ неприємностей, какія этимъ были ему уготованы заключенными, разсматривалъ этотъ вопросъ. Детали болѣе интересныя и существенныя его не интересовали. Между тѣмъ этотъ „Голосъ Узника“ былъ въ своемъ родѣ шедевромъ.

Здѣсь появилось знаменитое, до сихъ поръ весьма популярное въ средѣ польскаго рабочаго класса, талантливейшее стихотвореніе Вацлава Сѣрошевскаго: „Чего они хотятъ?“ противопоставлявшее идеалы и стремленія буржуазіи идеаламъ и стремленіямъ грядущаго подъ краснымъ знаменемъ рабочаго класса. Здѣсь впервые началъ писать будущій авторъ знаменитой „Варшавянки“, отхлестывая бичомъ сатиры либераловъ, молящихъ царя дать конституцію... Его же перу принадлежало юмористическое стихотвореніе „Папа Педро на мотивъ мамы Анго“, въ которомъ онъ даетъ стихотворный шаржъ на Александровича...

Журналъ, дѣйствительно, былъ обнаруженъ впервые въ Краковской тюрьмѣ... А такъ какъ и тогда уже былъ воплощенъ въ жизнь лозунгъ: „жандармы всѣхъ странъ, объединяйтесь“, то галиційскій прокуроръ-полякъ о результатахъ обыска предупредительно сообщилъ варшавскому прокурору-москалю. Послѣдній, задѣтый въ своемъ полицейско-прокурорскомъ самолюбіи, произвелъ тщательный обыскъ во всѣхъ камерахъ и въ то время, какъ жандармы отрывали половицы, лѣзли въ печки, разрывали тюфяки, онъ жаловался одному изъ редакторовъ — Іосифу Плавинскому: — Войдите въ мое положеніе! Какъ на меня смотреть за границей! У меня въ тюрьмѣ издается журналъ, я объ этомъ ничего не знаю, и изъ-за границы меня оповѣщаютъ объ этомъ... Каково?

— Если за этимъ дѣло стало, — хладнокровно, не безъ цинизма заявилъ въ отвѣтъ Плавинскій, — то этому горю не трудно пособить. Вотъ вамъ издающійся въ Краковской тюрьмѣ „Скрежетъ узника“... Можете его отправить краковскому прокурору и получите реваншъ...

Плавинскій зналъ, что его обыщутъ и все равно отнимутъ запретный журналъ... Ему терять было нечего... Но прокуроръ, услышавъ это и схвативъ завѣтный листокъ, искренно обрадовался...

— Благодарю васъ! Благодарю васъ...

— Не стоитъ благодарности! — не удержался Плавинскій...

„Обрадовавшийся“ прокуроръ не сообразилъ, что „реваншъ“ — то онъ получить, но что это не измѣняетъ дѣла. Фактъ остается фактомъ и сводится къ тому, что заключенные изъ крѣпости поддерживаютъ связь съ заграницей, получаютъ оттуда журналы, отправляютъ туда свои.

Александровичъ тогда серьезно пострадалъ и до оставленія поста завѣдывающаго постоянно вспоминалъ объ этомъ событіи. На его образъ дѣйствій при приемкѣ вновь

арестованныхъ это все же не подѣйствовало. Меня обыскали довольно небрежно и отвели въ камеру.

Я дьявольски усталъ.

Помню лишь, что приведшій меня старшій жандармъ Фоминъ сунулъ мнѣ въ руку въ стилъ Данта составленные правила:

„Попавшій сюда, — гласилъ одинъ изъ этихъ пунктовъ, — долженъ забыть, кѣмъ онъ былъ, и помнить лишь то, что онъ арестантъ“...

Я наскоро прочиталъ эти правила, и какъ только жандармы ушли изъ камеры, бросился не раздѣваясь на койку и уснулъ, какъ убитый.

Феликсъ Конъ.

(Продолженіе въ слѣд. номеръ).

Оратору.

ОРАТОРЪ кончилъ, а мы ему всей толпой отвѣчаемъ: — Насъ цѣлый новый легіонъ. Мы несемъ тревогу всему міру, но ему же и радость.

Мы пришли съ новой вѣстью, достовѣрной, какъ желѣзо, и бодрой, какъ звуки мотора въ пустынь.

Пѣсенъ небывалыхъ и сказокъ неразсказанныхъ мы хотимъ.

Не тѣхъ же, пропѣтыхъ, говоренныхъ человѣческихъ словъ.

Хотимъ выше!

Лязги молота и штампы, трепеть приводовъ и трансмиссій, грохотъ кузницъ, звонъ ударовъ, шопотъ пилъ — слова и призывы.

Ненасытный бѣгъ колесъ — наше знамя.

Мы ихъ поднимаемъ, возвеличимъ, механизмы.

Пусть же тревожныѣй и выше загудятъ валы.

Стремглавъ ударятъ милліонами рукъ кузнецы.

И прервутъ.

Прольется лавина чугунаго грохота.

Дрогнетъ земля подъ паровыми молотами, запатаются города, стальные машинные хоры заполнятъ всѣ пустыри и дебри рабочимъ трепетомъ.

И прервутъ.

Промчатся огненные вѣстники подземныхъ мятежей.

И еще прервутъ зловѣще.

Загогочутъ черныя пропасти.

Выйдутъ силачи — чудеса — машины — башни.

Смѣло провозгласятъ катастрофу.

И назовутъ ее новыми днями творенія.

Ораторъ, замолкни!

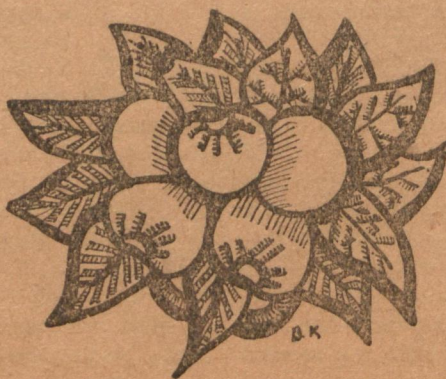
Пѣвучія легенды, застыньте!

Охъ, послушаемъ:

Заговoryтъ возведенныя нами домны.

Запоютъ вознесенныя нами балки.

А. Гастевъ.

Книрахъ.

1918.

Этотъ годъ будетъ занесенъ въ страницы исторіи русской литературы, какъ особая глава, исключительная по яркости и внутренней силѣ своего содержанія.

Быть можетъ, оттого, что книгъ стало мало и выходящее въ свѣтъ почти недоступно, оттого ли, что послѣ года крайняго напряженія политической мысли, изнемогшій умъ ищетъ отдыха въ творимой красотѣ, а вѣрнѣе всего потому, что 1918 годъ дѣйствительно далъ много новаго, еще невѣдомаго въ русскомъ искусствѣ,—или вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ вмѣстѣ, приходящія съ Сѣвера книги кажутся великой драгоценностью.

Читая ихъ, не просто читаешь, но любишь, любишь русскую литературу всѣмъ своимъ сердцемъ, переполненнымъ страданіемъ за погибшую Россію: когда народъ теряетъ все, даже имя своего государства, искусство остается единственной формой его внутреннего національнаго самоопредѣленія.

Почти каждая книга достойна особаго разбора ея. Но и бѣглый общій взглядъ на толпу случайно залетѣвшихъ на Югъ книгъ-птицъ увѣряетъ въ томъ, что революція не угасила народнаго творчества, но мощно вдохновила его. Старое и новое, современное и дальнее смѣшивается въ одно. Вотъ, маленькая, въ 16-ую долю, книжка „Альционы“—„Гавриліада“ А. С. Пушкина, гдѣ текстъ поэмы тонетъ въ океанѣ ученыхъ строгихъ комментаріевъ В. Брюсова. И рядомъ съ нею—огнезарная современность: партійное изданіе лѣвыхъ социалистовъ-революціонеровъ, поэма „Двѣнадцать“ и „Скифы“ Александра Блока съ большимъ комментариемъ Иванова-Разумника. Вообще, своеобразной чертой новыхъ книгъ стало одновременное появленіе художественнаго произведенія и комментарія къ нему. Или самъ поэтъ или влюбленный въ него критикъ окружаютъ произведеніе вѣнкомъ толкованій.

Брюсовъ толкуетъ Пушкина, Ивановъ-Разумникъ изъясняетъ апокалиптическую поэму русской революціи А. Блока. К. Бальмонтъ самъ пытается осознать свое творчество, и издаетъ книгу подъ названіемъ: „Революціонеръ я или нѣтъ?“ Въ ней дана любопытная политическая автобіографія, стихи 1905 и 1917 гг. и рядъ статей.

Л. Никулинъ издаетъ „Исторію и стихи Анжелики Сафьяновой съ приложеніемъ ея родословнаго древа и стиховъ, посвященныхъ ей“. Свообразно-манерный уходъ отъ современности въ глубину сонетовъ Петрарки, брошенныхъ на грязную и кровавую панель Невского...

Андрей Бѣлый во второмъ сборникѣ „Скифовъ“ комментируетъ „Пѣснь Солнценовца“ Николая Клюева, а Ивановъ-Разумникъ даетъ большое послѣсловіе къ появляющейся въ той же книгѣ „Скифовъ“ глубочайшей исповѣди русскаго сердца—„Слову о гибели Русской земли“ Алексѣя Ремизова.

Второй сборникъ „Скифовъ“ невеликъ, но богатъ отъ первой строки до послѣдней новой обжигающе-яркой красотой. Здѣсь заканчивается „Котикъ Летаевъ“ Андрея Бѣлаго, здѣсь Сергій Есенинъ печатаетъ циклъ своихъ поэмъ подъ общимъ названіемъ „Стихословъ“, здѣсь же потрясающе-патетическое стихотвореніе А. Бѣлаго—„Родина“, здѣсь стихи третьяго крестьянскаго поэта современности—Петра Орѣшина, не говоря о матеріалѣ, украшенномъ менѣе знаковыми, но не менѣе цѣнными именами юныхъ авторовъ...

Н. Гумилевъ, отъ созерцанія надмѣрной красоты, отъ сказокъ древняго солнца, перешелъ къ патріотизму и отъ него вернулся къ экзотикѣ. „Гиперборей“ издаетъ одну за другой три его книги стиховъ—„Костеръ“, африканскую поэму „Микъ“ и китайскіе стихи въ „Фарфоровомъ павильонѣ“, украшенномъ великолѣпными китайскими и индо-китайскими рисунками.

Совершенно въ другой плоскости—двѣ книги Вл. Маяковского „Война и мѣръ“ и „Человѣкъ вещь“, въ которыхъ авторъ „Облака въ штанахъ“ бороздитъ своимъ новымъ поэтическимъ путемъ пвнящіеся приливы и отливы революціи.

О революціи же стихи И. Эренбурга—„Молитва о Россіи“, неудавшаяся книга, но написанная съ трепетомъ и духовнымъ огнемъ. Несравненно лучше отражена современность въ книгѣ стиховъ Эммануила Германа (Эмиля Кроткаго) „Растопленный полюсъ“.

Н. Бердяевъ издаетъ книгу статей, посвященную футуризму. Онъ пишетъ о Пикассо и объ Андрѣ Бѣломъ, о духовномъ кризисѣ современности, но больше всего, конечно, о самомъ себѣ и о своихъ

страхахъ передъ тайнымъ міромъ. Въ книгѣ—великолѣпныя репродукціи картинъ Пикассо, лучшія, донинѣ изданныя въ Россіи.

И рядомъ—спокойный и многоликій созерцатель и критикъ міра людей—Анатолий Франсъ, чье „Возстаніе ангеловъ“ выпустила „Задруга“ въ отдѣльной книгѣ.

Три книги, не художественныя, но страшно родныя художественной литературѣ могучимъ паѳосомъ надежды и отчаянія, бьющимъ изъ каждой страницы. Книга документовъ о большевикахъ, и съ ними надо сопоставить человѣческую исторію войны и революціи, отъ первыхъ дней 1914 года до октябрьской катастрофы 1917, образующую содержаніе „Писемъ прапорщика-артиллериста“ (Федора Степуна), писемъ „Изъ дѣйствующей арміи“ Савинкова и, наконецъ, большую книгу—исповѣдь А. Ф. Керенскаго о дѣлѣ Корнилова. Нѣтъ ничего болѣе драматическаго, чѣмъ сухая стенограмма допросовъ, освѣщенная страстными комментаріями Керенскаго! Это не художественная книга, но она выше какого угодно литературнаго произведенія...

Рядомъ съ этими книгами—трагическая исповѣдь „d'outre-tombe“ А. И. Шингарева, написанный въ Петропавловской крѣпости дневникъ подъ заглавіемъ „Какъ это было“.

Наконецъ, немного чуждыя современности, чуть-чуть устарѣлыя по художественному типу и волнующія только, какъ воспоминаніе объ изжитыхъ періодахъ русской литературы, изданія реалистовъ-прозаиковъ. Восьмой сборникъ „Слова“ съ Бунинымъ во главѣ, съ Треневымъ, А. Н. Толстымъ, Зайцевымъ и прекрасно гармонирующимъ съ ними покойнымъ И. С. Тургеневымъ, чьи письма, изданныя въ „Словѣ“, какъ бы подчеркиваютъ отдаленность отъ жизни былыхъ властителей русской литературы.

И самъ И. Бунинъ... Десятый томъ сочиненій съ знакомыми и незнакомыми произведеніями, какъ всегда, холодный и прекрасный, кочующій въ океанахъ и звѣздахъ писатель.

Это не все... Еще лежатъ нераспакованныя кипы книгъ, проскользнувшихъ полу-контрабандой черезъ нѣмецко-большевистскую границу или еще находящихся въ пути. Каждая книга дышитъ какой-то свѣжестью, какъ струя воздуха въ затхлои комнатѣ, въ томъ невольномъ провинціализмѣ, въ который погружены мы всѣ, отрѣзанные отъ культурныхъ столицъ, главнымъ образомъ отъ Москвы, границами гражданскихъ войнъ.

Но когда всѣ новыя изданія дойдутъ, когда всѣ будутъ прочтены и освѣщены критикой, когда, наконецъ, закончится этотъ годъ, мы, подводя итоги ему, смѣло повторимъ то, что говоримъ и сейчасъ: 1918 годъ исключительный годъ въ русской литературѣ, могучій, несравненный годъ, глубоко вырытый въ родной землѣ рубежъ двухъ эпохъ искусства...

БЛИКИ ЛУННЫЕ. Выпускъ I. Неперіод. сборникъ. 1918.

Группа кременчугскихъ начинающихъ литераторовъ выпустила въ свѣтъ первый выпускъ „Лунныхъ бликовъ“. Но уже настоящій сборникъ достаточно характеризуетъ беспомощность начинанія: стихи, проза, статьи по искусству—мало интересны. Изъ стихотвореній ни одно не возвышается надъ художественнымъ уровнемъ слѣд. строкъ одного изъ редакторовъ сборника Байкова.

И вновь прихлынулъ валъ тревоги и сомнѣнья,—
Неумолимый валъ;
Завѣсу прошлаго, больного увлеченья
Въ душѣ сорвалъ.
Потокомъ хлынули жемчужины-слезинки,
И грустно мнѣ...
Въ душѣ не растопить любви уснувшей льдинки,
Не быть веснѣ.

Особо слѣдуетъ упомянуть о стихахъ Дэвиса Уманскаго, съ которыми редакция сборничка расходится во взглядахъ на поэзію. Всецѣло пока находясь подъ вліяніемъ Маяковского, Дэвисъ Уманскій, тѣмъ не менѣе, общается, что этапъ этотъ будетъ имъ пройденъ; во всякомъ случаѣ, онъ много выше своихъ бездарныхъ собратьевъ.

Проза Марголиса—упрощенный и опошленный Пшибышевскій.

Еще болѣе примитивенъ подходъ къ Пшибышевскому у Льва Кудиша въ поэмѣ „Самъ“. Отзывы о книгахъ того же Кудиша малограмотны; встрѣчаются философскія размышленія:

„Часто слетаешь съ неба на землю послѣ первыхъ страницъ (книги). Что дѣлать. Такова вообще судьба человѣческая“.

Достаточно наивно изложена у него точка зрѣнія футуристовъ. Слѣдуетъ довести до свѣдѣнія автора, что лишены „налета разума“ только междометія, слово же всегда отмѣчено этимъ „налетомъ“—истина хрестоматійная: видѣть же сущностью футуризма замѣну словъ привычныхъ словами „безъ специальной окраски“, (онъ хочетъ сказать—междометіями), и исчерпать этимъ характеристику новой поэзіи—можетъ только критикъ весьма несвѣдущій.

Статейка Б. Карпова построена на догматахъ. Пятью строчками онъ разрушаетъ тугой узелъ проблемы синестезіи въ искусствѣ; еще двумя строчками сливаетъ эстетику и этику въ одну дисциплину, полагая, что они жили раздѣльно „по недоразумѣнію“. И все въ такомъ же стилѣ...

Е. Л.

МАРИЭТТА ШАГИНЯНЪ. ORIENTALIA. Изданіе четвертое, дополненное. 1918.

Исключительный успѣхъ книги Маріэтты Шагинянъ вполне понятенъ,—ея Orientalia отмѣчены рѣдкой печатью вдохновеннаго творчества и красоты. Этимъ я не хочу унизить богатой поэзіи послѣднихъ лѣтъ—мало ль пѣнностей создали хотя бы двѣ такія полярныя группы, какъ нео-академическая „Гиперборея“ или т. н. „московскіе футуристы“ (какихъ только различныхъ поэтовъ не объединяють этимъ именемъ, но М. Шагинянъ занимаетъ въ новой поэзіи особое мѣсто.

Кто бъ ты ни былъ,—заходи, прохожій.
Смутенъ вечеръ, сладокъ запахъ нарда...
Для тебя давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда.

Рѣдкая простота и сила воспріятія—священный и мудрый отзвукъ Корана—и исключительная красочная пышность, которую даетъ вещамъ на Востоку высокое раскаленное солнце...

За нашу встрѣчу, другъ мой дальній,
Слова молитвы я шепчу.

Именно съ такой молитвенностью подходитъ она ко всей жизни. Она говоритъ:

Ахъ, я Тебя къ Тебѣ ревную.
Изыди отъ меня, Господь!
Очамъ верни юдоль земную,
Верни душѣ грѣховну плоть.

Еще лучше Шагинянъ умѣетъ показать земное очарованіе:

Ея коса нѣжнѣй стократъ
Руна пушистаго овцы,
Круглѣй, чѣмъ розовый мускатъ,
Ея невинные сосцы.

Или начало стихотворенія „Мать“:

Она блѣдна; по нѣжной кожѣ
Блестя бѣжитъ жемчужный потъ.
Губа прикушена... И тотъ,
Кто далъ ей боль, склоненъ у ложа.

„Когда сердце въ скорбяхъ заблудилось“, оно, ищетъ дорогу и жалобно кличетъ Спасителю:

Темны и тѣсны земныя обители,
О, разрѣши меня, выведи къ Богу!“

Это не минутное раздуміе, а только выкликъ темнаго, „неразрѣшеннаго“ чувства, которое въ самомъ глубокомъ трюмѣ души живетъ всегда.—

Словно мѣсяцъ, ясенъ мужъ мой юный,
Словно день, свѣтла твоя подруга.
Мы жъ съ тобой, какъ нѣжной арфы струны,
Призываемъ жалобно другъ друга.
Видно, такъ ужъ Богъ судилъ на небѣ
Для любви небесный свѣтъ таящей:
Чтобъ душа земной вкусила жребій,
На землѣ не данъ ей настоящій.

Чувства, смутныя, какъ ранній вечеръ, и полновѣсныя словесія цвѣтущей плоти?..

Внѣшняя форма стиховъ всегда соответствуетъ внутренней. Главное очарованіе—въ первобытномъ ароматѣ народной поэзіи, рафинированной культурнымъ осознаніемъ.

„Конь, какъ юноша, красивый“; „глядитъ задумчивая ночь изъ-подъ раздвинутыхъ бровей“; „луна,—какъ розовый орѣхъ, темнѣй вина небесный пологъ“; по стеблю сокъ „благоуханной влагой бродитъ“... И такими же благоуханными образами обвито все тѣло „Оріенталіи“!..

Размѣры и ритмы богаты и разнообразны.

У меня фелюга дареная,
Дарена не даромъ:
Повозилъ на ней татарина я
Съ краденымъ товаромъ.

Въ эклогахъ ея стихъ достигаетъ остроты и четкости Тютчева въ пѣсняхъ (напр. „Чеченка“)—заставляетъ вспомнить о яркой искристости „Подражаній Анакреону“.

Новое изданіе книги украшаетъ стильная обложка художника Сарьяна.

Александръ Гатовъ.

ДЭВИСЪ УМАНСКИЙ. Мачта надъ городомъ. (Харьковъ), 1918.

Уманскій—футуристъ, усиленно работающій надъ формальной техникой стиха по уже намѣченнымъ путямъ.

Исключительное вниманіе къ звуковой конструкціи лишаетъ стихи Уманскаго свѣжести и тонкости. Они слишкомъ напряжены и искусственны, чтобы казаться интересными даже съ точки зрѣнія того направленія, къ которому онъ примыкаетъ.

Ни мотивы, ни стиль Уманскаго далеко еще не опредѣлились. Ему придется долго и много искать, пока онъ найдетъ свое собственное творчество.

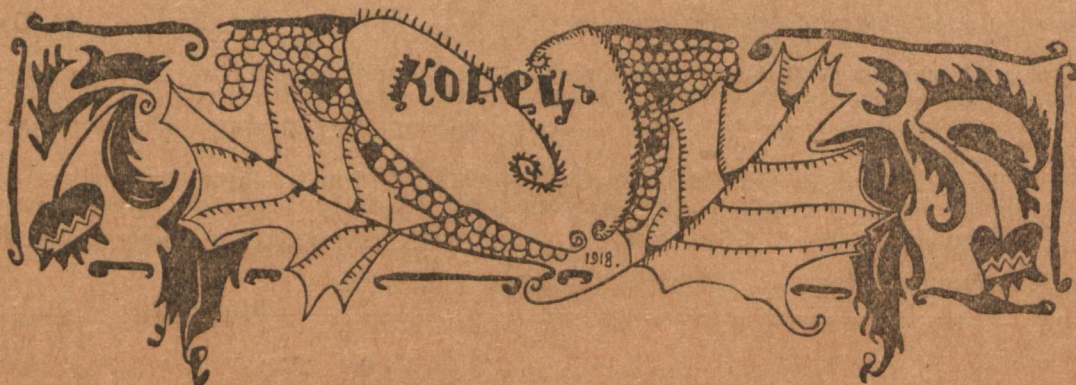
Маяковский писалъ когда-то:

Земля!
Дай исцѣлюю твою лысѣющую голову
Лохмотьями губъ моихъ...

Уманскій не пошелъ дальше:

Ялики, ялики, глупые ялики
Ласкаютъ лиловую лысину глуби
Влажными поцѣлуями.

Уманскому необходимо освободиться отъ наивной подражательности, не связывать себя школьными правилами стиха и писати свое, не вѣря учителямъ. Только такимъ путемъ онъ выбьется на поэтический путь.

„КОЛОСЬЯ“

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и ЭСТЕТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ,
выходящій въ г. Харьковѣ въ изданіи „Соціалистической Мысли“ подъ редакціей
ФЕЛИКСА КОНА и ВАЛЕНТИНА РОЖИЦЫНА. Журналъ основ. Союзомъ Интернационалистовъ Дѣятелей Искусства.

Въ „Колосьяхъ“ печатаются Воспоминанія Феликса Кона, которыя затѣмъ выйдутъ въ свѣтъ отдѣльной книжкой, документы охраннаго отдѣленія, портреты, справки, донесенія и т. д.

„Колосья“—беспартійный журналъ, ставящій своей цѣлью распространіе среди пролетаріата и трудовой интеллигенціи идей и произведеній современнаго искусства.

Въ „Колосьяхъ“ печатаются рассказы, стихотворенія, критическія статьи, статьи эстетическія и изслѣдованія о народномъ искусствѣ, музыкѣ, театрѣ и т. д., фельетоны, литературные и политическіе шаржи, отзыы о новыхъ книгахъ, художественныхъ выставкахъ, театральныхъ постановкахъ.

Журналъ посвященъ какъ русскому, такъ и международному искусству, печатая переводы наиболѣе выдающихся современныхъ авторовъ, поэтовъ и критиковъ Запада.

Журналъ богато украшенъ рисунками, оригинальными и репродукціями, заставками, концовками, виньетками, фронтисписами и т. д.

Въ художественномъ отдѣлѣ „Колосьевъ“ работаютъ художники „Союза Семи“ (Бобрицкій, Косаревъ, Мищенко, Цибисъ и др.), Маркинъ, Розенбергъ, художница Роданта и рядъ другихъ.

Рассказы, стихотворенія и другой художественный матеріалъ редація принимаетъ независимо отъ направленія, по художественной цѣнности.

Присылаемые въ редакцію рукописи должны быть написаны четко или на пишущ. машинкѣ, на одной сторонѣ листа и въ копіяхъ, а не въ оригиналахъ, потому что, въ виду изобилія рукописей, редація не ручается за ихъ сохраненіе и возвращеніе авторамъ.

Секретарь редакціи принимаетъ по понедѣльникамъ и средамъ отъ 11 до 1 ч. дня въ помѣщеніи „Соціалистической Мысли“ (Николаевская площ., д. Гор. Управы), редакторъ—у себя на дому (Чернышевская ул., № 35) по воскресеньямъ отъ 12 до 1 ч. дня. Пріемъ объявленій и подписки—въ конторѣ „Соціалистической Мысли“.

Въ „Соціалистической Мысли“ принимается корреспонденція на имя редакціи и книги для отзыва.

Цѣна отдѣльнаго номера—1 р. 25 к., въ мѣсяцъ—4 рубля.

Объявленія: Строка петита до текста 3 руб. и послѣ текста 2 руб. строка петита.

ПРИЙМАЕТСЯ ПЕРЕДПЛАТА

на тѣжневую українську робітничу газету

„Слово“

Орг. Харьковск. Ком.
Укр. С.-Д. Роб. Партіі.

„СЛОВО“ посвящено потребамъ широкихъ українскихъ трудящихся массъ и наибольшую увагу звертатиме на освѣтленія всѣхъ найважнѣйшихъ родій соціально-політичного, національнаго и культурнаго життя всѣей України, зокрема Слобожанщини.

„СЛОВО“ боронитиме інтереси Українського робітництва и звертатиме особливу увагу на життя всѣхъ українскихъ організацій, зокрема „Просвіт“ і инш.

До співробітництва запрошено: т.т. Винниченка, Петлюру, Порша, Садовського, Д. Антоновича, С. Веселовського и ин.

Власні кореспонденти запрошено з Києва, Катеринослава, Луганська, Бахмута и з більшости повітовихъ міст і значнішихъ центрівъ Слобожанщини.

Передплата: 1 міс. 2 крб., до кінця року з 1-го вересня 8 крб.

Контора й редакція: Харьков, Подольский пер. 9, кім. 26.